

другихъ его дѣяніяхъ—угаданную потребность государства и народа.

Чѣмъ болѣе изучается Петровская эпоха, тѣмъ болѣе самъ Петръ является, дѣйствительно, «великимъ русскимъ человѣкомъ» — не съ одними достоинствами, но также и недостатками, — и тѣмъ болѣе исторически характерной представляется его дѣятельность. Оставленіе Москвы давно объяснено тѣмъ, что тамъ его дѣятельность была стѣсняема оппозиціей приверженцевъ и охранителей старины, что Москва была слишкомъ далека отъ моря и европейскаго сосѣдства. Съ этимъ соединялась и болѣе глубокая историческая причина: Москва была слишкомъ связана съ преданіями московскаго царства, и эти преданія были тѣсны для широкихъ замысловъ «имперіи». Новое «собираніе», принимаемое имперіей, совершалось въ столь же неодолимомъ духѣ централизаціи, но все-таки отличалось гораздо болѣею степенью національной терпимости. Въ новой столицѣ Петръ повидимому находилъ и болѣе удобствъ для водворенія европейской науки, когда задумывалъ основаніе петербургской академіи.

Новые историки, повинувшись исторической достовѣрности, указали обратную сторону реформы и характера самого реформатора, — крайности въ нововведеніяхъ, свирѣпость въ подавленіи сопротивленія, разнузданность въ нравахъ; нѣкоторые изъ этихъ историковъ (напр. Костомаровъ), быть можетъ, слишкомъ настаивали на этой обратной сторонѣ. Само собою разумѣется, что и нѣтъ ни надобности, ни возможности скрывать отъ себя мрачныя обстоятельства многихъ актовъ реформы; но исторія требуетъ объясненія этихъ явленій, и оно находится: крайности реформы были послѣдствіемъ крайностей прежняго застоя, и личныя излишества Петра въ осмѣяніи старины, конечно, не извинительныя въ главѣ государства, понятны, какъ противовѣсъ ханжеству и лицемѣрію; жестокость Петра была вполнѣ наслѣдіемъ старины, и здѣсь всего меньше могли бы укорять его приверженцы московской старины, выдавшей безумныя свирѣпства Ивана Грознаго.

Въ особое преступленіе Петру и «петербургскому періоду» ставили уничтоженіе стараго политическаго быта: съ нимъ кончились земскіе соборы. Но, какъ мы упоминали, это было учрежденіе столь мало крѣпкое, что оно и безъ того вѣроятно кончилось бы собственною смертію, — потому что громадное расширеніе государства и возраставшее усложненіе его внутреннихъ и вѣшнихъ задачъ дѣлали непримѣнимою эту форму представительства. Чтобы самое начало могло имѣть мѣсто въ новыхъ